

Горизонты культуры

Т.П. Григорьева

Духовное здоровье человека

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!*

Ф. Тютчев

Духовное здоровье человека – это, можно сказать, задача с тремя неизвестными: что есть человек, что есть дух, что есть здоровье. Вместе с тем это одна из самых насущных проблем человечества, оказавшегося под угрозой уничтожения или самоуничтожения. В одной России, говорят, около 14 миллионов психически нездоровых людей; смертность превышает рождаемость; в три раза возросло количество самоубийств среди молодежи. Есть над чем задуматься. Поток неподсудной информации лишь усугубляет беду, внушая чувство безысходности. Отсюда и наркомания. Но в чем же причина заболевания? Физические недуги есть следствие духовного разлада. Одни говорят о «невротическом порочном круге», когда чрезмерные притязания приводят к опустошению (Вл. Леви). Американские психологи в последнее время обвиняют психотерапию, которая обезволила человека, приучила его полагаться на вра-

чей, рецепты, таблетки, на что угодно, только не на себя. В свое время в человеке притупились животные инстинкты, за ненадобностью, теперь – и человеческие: воля, смекалка, чувство долга, сострадания, которые позволяли ему быть сильнее обстоятельств.

Но что-то вело человека по нисходящей. Ницше лишь подвел итог: «Бог умер!» Бог умер в душе человека, и человек потерял опору и достоинство. Ницше ничего не оставалось, как убедиться: «Человек есть то, что необходимо преодолеть». О неблагополучии человеческого общества писал и Дж. С. Милль: «Преобладающее стремление всего мира клонится к тому, чтобы посредственность была господствующей над человечеством силой»¹.

Эта трансформация человеческих качеств потрясла Ницше: «Порок, душевные больные <...> преступники, анархисты – все это не *угнетенные классы*, но отбросы всех классов бывшего до сих пор общества... Усмотрев, что все наши сословия и состояния проникнуты этими элементами, мы поняли, что *современное общество* – не «общество», не «тело», но большой конгломерат чандалы, – общество, утратившее силу *извергать из себя* вредные ему элементы. <...> Проблема: как истощенные достигли того, чтобы стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые – последние? Как инстинкт зверя человека стал вверх ногами?»².

Вслед за Ницше философы заговорили о порче человеческой природы, о смещении полюсов: верх и низ поменялись местами, что поставило под угрозу самую жизнь и человека, и человечества. Эти мысли развил Ортега-и-Гассет в «Восстании масс»: европейская история впервые подпала под власть «заурядного человека как такового и зависит от его решений». Этот человек «недочеловеческого типа» есть поворот вспять, к варварству, и цивилизация таким образом оказалась под угрозой, ибо у варвара нет норм и морали. «Человек массы» уверен, что «он и есть государство, и стремится под всякими предлогами пустить государственную машину в ход, чтобы подавить творческое меньшинство». Притом «человек массы» не принадлежит к какому-то классу, а есть «тип, характерный для нашего времени, преобладающий и господствующий в обществе».

Так что эта проблема не столько социальная, сколько нравственная. Когда верх и низ меняются местами, нарушается закон соответствия, возможность обратной связи, и все неминуемо приходит в разлад. «Для меня несоответствие между благами, которые рядовой человек получает от науки, и невниманием, которым он ей отвечает, кажется самым грозным симптомом из всех»³. Так что источник тех бед, которые приписывают науке, заключается в перевернутом или падшем сознании, а не в самой науке; в двух типах людей, склонных к созиданию или к разрушению, и важно, чтобы последние не взяли верх над первыми.

Собственно, это проблема извечная – в любой сфере, в любой религии есть эти два типа, как в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Свет, исходящий от старца Зосимы, – и тьма, исходящая от старца Феропонта, несмотря на всю его строгость, самоотречение, но ради следования букве, а не духу христианства.

Не то ли это, о чем пророчил Св. Августин: «Когда же живет он [человек] по самому себе, т.е. по человеку, а не по Богу, он несомненно живет во лжи»⁴. По крайней мере, в наше время посредственность называют «дьяволом XX века». И в начале XX века светлый ум Евгения Трубецкого видел причину упадка в падении духовной культуры: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя. В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Оно должно окончательно определиться в ту или другую сторону. Что же победит в нем – культурный зоологизм или то “сердце милующее”, которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной, – зверинцем или храмом?»⁵. И Трубецкой видит причину падения церковной культуры в смещении двух уровней сознания, причастного и не причастного нравственному императиву: все в ней выражает необычайно «плоскостное и плоское мироощущение. <...> То самое духовное мещанство, которое угасило огонь церковных глав, заковало в золото иконы... <...> Ей вообще не дано видеть глубины, потому что она олицетворяет *золотую середину*. Теперь эта середина воцарилась в мире и не только у нас одних, а *повсеместно*»⁶.

¹ Милль Дж. О свободе. СПб., 1906. С. 130.

² Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С. 59, 61.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // ВФ. 1989. №3. С. 119; №4. С. 115, 116.

⁴ Бл. Августин. О граде божием. XIV, 4. / Бл. Августин. Творения. В 4 т. Т. 4. СПб. Киев, 1998. С.8.

⁵ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 36. Я приношу извинения за обилие цитат, но это живые знаки пройденного пути, следуя которым можно понять, что с нами произошло и как культура связана с нашим духовным здоровьем. Не потому ли все движется в том же направлении, к бездне, что мы не утруждаем свою память? Говоря словами Фрейда: чтобы избавиться от комплексов, нужно вывести их из подсознания в сознание.

⁶ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. С. 69–70.

Поистине вселенской отзывчивостью отмечена религиозная философия России – учение Вл. Соловьева о Всеединстве как «индивидуализации любви»; в этом признании онтологической первичности человека, призванного быть посредником между двумя мирами, земным и небесным. Что уж говорить об «антроподицею» Бердяева, видевшего выход из «больного бытия» в прорыве к свободному духу Творчества, в преодолении эгоцентризма как мирового зла. «Много писали оправданий Бога, теодицею. Но наступает пора писать оправдание человека – антроподицею... Книга моя и есть опыт антроподицеи через Творчество»⁷.

Но это пролог, введение в тему «духовного здоровья человека», если иметь в виду, что все между собой связано: «Одно во всем и все в одном», – говорят мудрецы Востока. По крайней мере, если не задуматься, в том ли направлении мы движемся, то не только «духовное», но и всякое здоровье потеряем в предощущении того «ужаса истории», о котором говорит Мирча Элиаде. Он предлагает «человечеству ради обеспечения своего выживания перестать “делать историю” дальше (в том смысле, в каком оно начало ее делать со времени создания первых империй), довольствоваться повторением предписанных архетипами действий...»⁸

Было уже немало проектов человеческого спасения, но имеем то, что имеем. Однако не случайно обострился интерес к Человеку во всех его проявлениях, ибо он остается «мерой вещей». Но и эта «мера» двойного порядка: искаженная – может уничтожить мир со всеми его обитателями, а восстановленная – спасти сущее, вывести к совершенству, как и предназначено человеку по слову пророков и святых.

Куда делся человек?

Познавший себя узнает, откуда он.

Плотин

Ум должен... как бы отпустить себя, не быть умом.

Плотин. Эннеады. 3, 8, 9

Это не праздный вопрос. «Я знаю все, но только не себя» (Франсуа Вийон). Поэты острее ощущают боль современности. «Я не то, что я есть», – искал себя Поль Валери. В 1919 он написал о «Кризисе духа»: «С нашим духом дело обстоит как с нашей плотью, все имеющее значимость тщательно скрыто от взора... Индивидуум

становится проблемой нашего времени». Философы признаются, что менее всего знают о человеке: «Все центральные проблемы философии можно свести к вопросу, что такое человек» (М. Шеллер). И Мартин Хайдеггер признает: «Ни одна эпоха не имела столько разнообразных знаний о человеке, как нынешняя. Ни одна эпоха не могла так быстро и легко получать эти знания, как нынешняя. Никогда человек не был до такой степени проблемой, как в нашу эпоху»⁹.

В чем же причина того, что знания о человеке как бы не касаются его самого, существуют сами по себе, и человек остается загадкой? Тогда можно ли ему вернуть «духовное здоровье», если неясно, что он собой представляет и в чем нуждается? Притом не только ученые, любой человек, сколько ни чувствует себя неудобно в этом мире, не ищет причину в себе. Герберт Маркузе винит одномерное мышление, неспособное объять целое, о чем пишет в «Одномерном человеке» (1964). Но откуда само «одномерное мышление», губительное для человека, сделавшее его сознание и его самого «несчастливым»? По мысли Бердяева: «Сознание есть “несчастное сознание”. Сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального. Самая структура сознания легко создает рабство»¹⁰.

Может быть, глубинная причина в унаследованном от греков антропоцентризме, поставившем несовершенного человека на место Бога? Сапфо называла человека «богоравным». Софокл писал в «Антигоне»: «В мире много сил великих, Но сильнее человека нету никого». Что уж говорить о «Метаморфозах» Овидия:

*И родился человек. Из сути божественной
создан,
Был он вселенной творцом, зачинателем
лучшего мира...*

*Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразилась, приняла людей небывлые обличья.*

Что говорить! Эта вера, возвысившая человека до Бога, привела к взлету искусство и науку, но был в этой гордыне изначальный изъян, когда желаемое принимают за действительное, что ничем хорошим не кончается. Так было и на сей раз. «Ведь и души в самих своих грехах, пользуясь своей исполненной гордыней, превратной и, так сказать, рабской свободой, стремятся не к чему иному, как к некоторому подобию Бога. Так и прародители наши не были бы совращены ко

⁷ Бердяев Н.А. О смысле истории. Опыт оправдания человека. М., 1914. С. 261.

⁸ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 137.

⁹ Цит. по: Вестник истории мировой культуры. М, 1964. С. 46.

¹⁰ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939. С. 38.

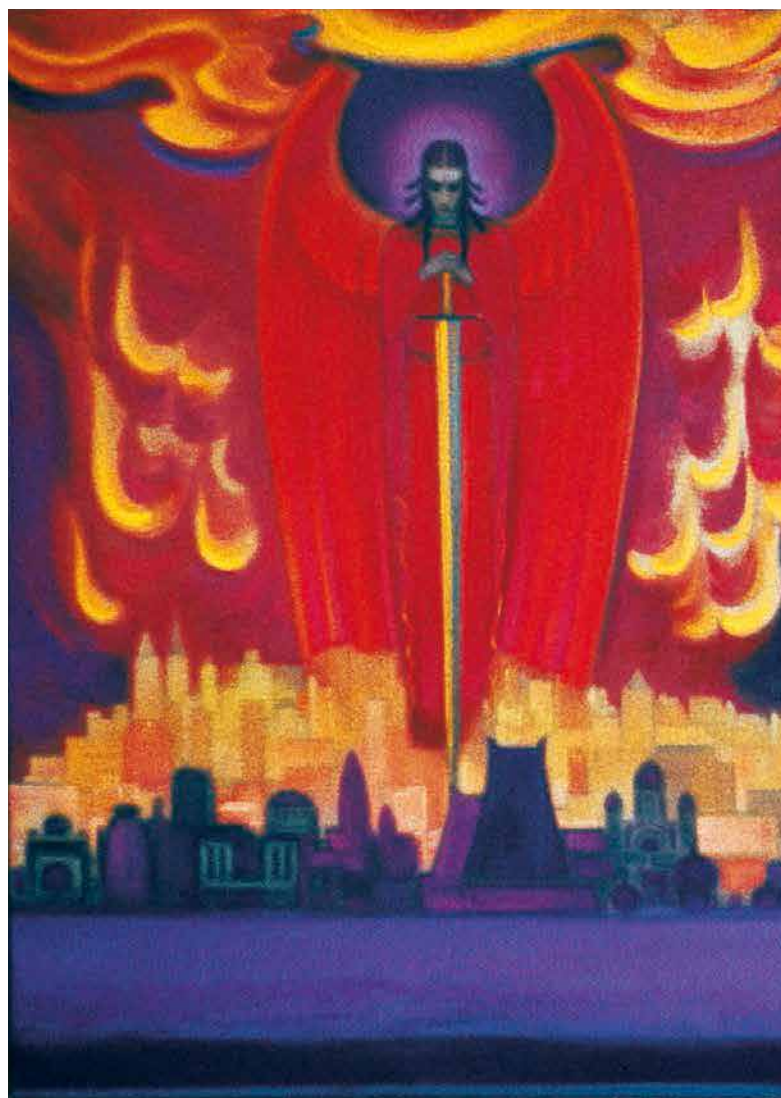
греху, если бы им не было сказано: “Вы будете как боги” (Быт., III, 5)¹¹.

Всякий искусственный, надуманный центр для своего поддержания нуждается в опоре, столь же искусственной; он относится к тому, что вне его, как к периферии, которая зависит от этого центра и призвана его обслуживать. Неизбежно возникло деление мира на субъект – управителя, и объект, данный субъекту в распоряжение. Чтобы выстроить новый порядок по своему усмотрению, человек должен был разбить его на части, из которых мог бы сконструировать мир по своему усмотрению. Но тем самым он нарушил изначальный порядок. В Природе нет частей, значит, всякое сконструированное знание условно, относительно. Тем не менее психология «части», подменившей целое, структурировала сознание, определила характер логики. О том, к чему может привести разделение неделимого, предупреждал Блаженный Августин: Бог привел все к единому порядку; этот порядок делает из мира «единое целое». Эту целостность человек «разрывает», предпочтя из личной гордости и личных симпатий «одну часть», «мнимое единство». Он таким образом ставит «часть» выше «целого», достоинством, принадлежащим «целому», он облакает «часть»¹².

Что ж тут удивляться, что мир за прошедшие века утратил свою устойчивость, напоминает перевернутую вверх дном чашу, и, чтобы не задохнуться под ее непроницаемым покровом, начали искать выход из лабиринта. (Кстати, идея «лабиринта» не могла появиться на Востоке, где признают извечным Центром не человека, а Путь – Дао, предназначенный миру и каждому человеку. Но об этом позже.)

Однако не так все безнадежно. Память сохранила параллельное движение мысли: от разобщенности к Единому. Плотин видел в Едином присутствие Бога и признавал в «двоице» Пифагора первое различие и «дерзость», что привело к распадению Единого на множество; а если ум отпал от Единого, то отпадает от ума и душа. Для Августина, «поскольку что-то стремится к единству, постольку оно существует»¹³. Он не раз возвращался к мысли: «Душе, ушедшей от себя, нанесет удары некая огромность, и душу мучит подлинная нищета, ибо по природе своей вынуждена она искать всюду единое, а множественность этого не позволяет»¹⁴.

В этом коварство «части», не желающей утратить своего мнимого господства, затянувшегося,

однако, на века. Сама часть лишена свободы, вынуждена подчиняться другой части более высокого порядка, увеличивая степень несвободы. А вне свободы ничто состояться не может. Психология части не ведет к свободе истинной, не может не обречь на рабство, заложенное в ее природе. Потому русская религиозная философия и выступила против «отвлеченного», частичного знания, провозглашая изначальное Всеединство, невозможное без целостности каждой сущности.

Упаковав свое «я» в эгоцентрическую оболочку, человек лишился связи с миром. Отпав от Основы, потерял опору в себе. Потому Вл. Соловьев видел в «эго» главный источник мирового зла, а Бердяев – неизбежность двойного рабства: у мира и у себя. Замкнувшийся на себе человек становится никому не нужен, и самому себе, как инород-

¹¹ Бл. Августин. О Троице. XI, 5, 8. Краснодар, 2004. С. 248.

¹² Бл. Августин. Исповедь. 3, 8.

¹³ Бл. Августин. О правах манихеев. 6.

¹⁴ Бл. Августин. О порядке. 1, 2.

С.Н. Рерих. Возври, человечество. 1962

ное тело в общем устройстве мира, и неизбежно отторгается Бытием. Т.е. антропоцентризм, стремление существовать за счет другого приводит к утрате человеком самого себя; всякая односторонность рано или поздно превращается в свою противоположность.

«Каков человек, таков и мир» – по Гегелю, значит, и мир лишается Опоры. Человек остается «мерой вещей», только мера эта становится угрожающей. Вместе с дробным человеком дробится действительность. «Исчезает человек как целостное существо, внутренне центрированное... Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное знание жизни»¹⁵. Речь идет все о том же усредненном сознании, человеке частичном, функциональном, который во всем остальном способен видеть лишь функцию, удовлетворяя свое притязание на господство.

Фактически не только здоровье человека поддается этим искаженным видением, но, по большому счету, здоровье всего человечества. Все войны, все распри, в том числе религиозные, происходят из-за этой искаженной меры, поставившей часть на место Целого. Этой «части» присуща возрастающая агрессивность, обратно пропорциональная уровню духовной культуры, будь то имперские планы государств, будь то маниакальность сверхчеловека, попавшего в рабство к самому себе.

Собственно, все известные определения человека свидетельствуют о функциональном к нему отношении, в том числе – «человек разумный», доведенное Декартом до категорического императива: «мыслю, значит существую». Но Вл. Соловьев мог сказать «стыжусь, значит существую», а японский мастер сказал бы: «чувствую прекрасное, значит существую». Неизвестно, что в боль-

¹⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 327.

шей степени соответствует полноте человеческой, видимо, «сердечный разум» или «разум сердца», на который уповали философы России. И близкий им по духу Шеллинг, признававший целью целого переход природы в духовное, естественно отвергал всякую односторонность: «Общий недостаток всей новоевропейской философии, начиная с учения Декарта, в том, что для нее не существует природы и что у нее нет живой основы. <...> Идеализм есть душа философии; реализм – ее тело; лишь в своем сочетании они образуют живое целое. <...> Если у какой-либо философии нет этой живой основы <...> она разменивается на те системы, жалкие понятия которых о самосущности, модификациях и т. п. находятся в самом резком контрасте с жизненной мощью и полнотой действительности»¹⁶. Так рождалась логика непротивопоставления одного другому, или логика Целого, которую на Востоке назвали бы логикой Срединного Пути.

Однако весь XX век «человек разумный» не отвечал своему назначению, не ведал что творил. Не потому ли, что опирался на привычную логику «части»: «или то, или другое», третьего не дано. Если превозносится разум, приносится в жертву чувство. Уже Сенека противопоставил разум чувству: «Высшее благо заключено в разуме, а не в чувствах». А великий датский физик Нильс Бор, постигший учения китайцев, обратил внимание на это противоречие, не исчезнувшее за века: «Мы все знаем старое высказывание, гласящее, что если мы пробуем анализировать наши переживания, то мы перестаем их испытывать»¹⁷.

И становится понятным, почему такую силу в 60-е годы XX в. приобрело движение контркультуры. Его лидеры призывали вернуться к инстинктам, к своей первозданности, восстановить способность человека к переживанию. «Важно не много прожить, а много пережить», – рассуждает герой «Чужого» Камю. Один из проницательных вождей бунтующей молодежи, Т. Роззак видел выход в обращении к трансцендентальной энергии сознания, чтобы спастись от самоуничтожения, которое предвещает человеку урбанистическое общество. «Судьба духа – это судьба социального порядка, и если в нас гибнет дух, то же самое произойдет с тем миром, который мы выстроили вокруг себя»¹⁸. Он видел причину вырождения в тотальном противостоянии, «разрывающем человека на части».

Человечество, таким образом, оказалось «между смертью и трудными родами», ему предстоит отказаться от той культуры, которая разрушает человеческую самость.

Глашатаи контркультуры недаром искали ответы в восточных учениях. Существует закон самоотрицания части, значит, может восстановиться целостное мироощущение. «Все состоящее из частей подвержено распаду», – сказал Будда в последней Сутре о великой Нирване. А буддийский мастер Дао-шэн назовет Будду – Дао, вселенским Законом, изначальной Природой сущего. Если так, если этот Закон всеобщ, предвечен, то не могла не возникнуть потребность вернуться к Основе, не зависящей от человека,

Сандро Боттичелли.
Блаженный Августин в келье. 1480

¹⁶ Цит. по: Антология мировой философии. Т. 3. М., 1969. С. 278.

¹⁷ Нильс Бор, открывший принцип дополнительности, свидетельствующий о возможности целостного мышления, не случайно сделал своей эмблемой модель инь-ян, заключенную в круг Тайцзи, Великого Предела, опоясав его латинским изречением «Противоположности дополняют друг друга».

¹⁸ Роззак Т. Там, где кончается пустыня. Политика и трансценденция в постиндустриальном обществе. В кн.: Where the Wasteland Ends. N. Y., P. XVII–XXI.

но способной поднять его над собой. Экзистенциалисты бросили вызов формализованной философии, презрели обычные представления и обратились непосредственно к Бытию в поисках экзистенции, подлинного существования. Истина Бытия позволит понять человека изнутри: что он есть на глубине своей, которая недоступна рациональному мышлению. Не столько знать об Истине, сколько пребывать в Истине, познать ее в «чистом опыте».

Но что-то продолжало мешать поиску Истины или Целого, несмотря на угрозу самоуничтожения, о которой ученые заявили в известном Манифесте Рассела – Эйнштейна (1955 год, Пагуошское движение). Если человечество не научится мыслить по-новому, оно исчезнет. И 20 лет спустя академик М. А. Марков задается тем же вопросом: «Научились ли мы мыслить по-новому?» – и не может дать положительный ответ, видя, что происходит вокруг. Продолжают разрушать Природу, значит, и самого человека. Метафизические, в том числе национальные проблемы, требующие мудрости или целостного подхода, продолжают решать силой. Хотя уже более полувека назад Николай Бердяев назвал источник бед: «Когда могущество государства и нации объявляется большей ценностью, чем человек, то в принципе война уже объявлена... Ненависть и убийство существуют лишь в мире, где люди стали объектами. Война в сущности определяется структурой сознания. Победа над возможностью войны предполагает изменение структуры сознания»¹⁹.

В этом суть! Ничего не изменится, пока не изменится сознание, а сознание изменится тогда, когда человек преобразится, увидит в другом не себя, а *другое*, в его неповторимости и естественности. (*Коно мама* – как Есть, говорят японцы; увидеть вещь в ее Таковости). Сохранить мир в целостности, не дать ему разрушиться может лишь целостный, нравственный ум – человек духовный. Иначе так и будем создавать себе кумиров, мешающих увидеть человека истинного, причастного всему и ответственного за все. И неважно, какой вывеске поклоняться, важно, что эта вывеска заслоняет Свет, отгораживает человека от мира, нуждающегося в нем, что не может пройти бесследно. Важно, чтобы человек понял меру своей личной ответственности за происходящее.

Пока что человек умудрился создать себе тирана из Времени, не для того предназначенного. И если не преобразится человек, он так и будет попадать в собственную ловушку, выстроенную им

Неизвестный художник. Сенека. 1801

для других, но оказавшуюся его западней – по Закону Соответствия (кит. Хэ) или высшей Справедливости.

Возрастание несвободы

Все экономические тенденции ведут к возрастанию несвободы.

Макс Вебер

В любом движении существует своя критическая точка, которую нельзя перейти, чтобы не впасть в другую крайность, не погрузиться в хаос. Все за пределами этой точки, отпадая от Основы, превращается в стихию, и Время в том числе. Приходит вдруг ощущение того, что чем больше времени, тем его меньше; или – чем больше информации, тем меньше понимания. Избыточная информация превращается в ее отсутствие. (На языке диалектики это называется переходом избыточного количества в отрицательное качество.) Иначе говоря, беспредельно нарастающая скорость превращает время в его отсутствие; беспредельно нарастающая информация – в дезинформацию. И то, и другое

¹⁹ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). С. 136.

перестает подчиняться человеку, что действует разрушительно на его психику. (Медики называют это состояние отсутствия, растерянности и отчаяния «синдромом усталости».) Уже не человек распоряжается временем, а время человеком. Не есть ли это проделки все той же психологии «части», поставившей на сей раз человека в возрастающую зависимость от «высоких технологий», которые, претендуя на целое, все более подчиняют его себе. Очередной кумир, который каждый раз оставляет человека на задворках. Техника как бы перестает нуждаться в человеке, существует сама по себе, сама себе владыка. И опять средство и цель поменялись местами. По крайней мере, уже не удивляют такие книги, как «Тирания момента» норвежского антрополога Томаса Эриксона²⁰, где остро стоит проблема нового качества времени. Автор задается вопросом, почему времясберегающая технология привела к обратному результату: времени становится все меньше. При растущем объеме информации уменьшается возможность ее осмысления. Скорость, отбрасывая человека, грозит заполнить все паузы, но без паузы, без чередующести вдоха-выдоха нет жизни.

Однако и это кое-кого не смущает. Меня потрясла в свое время статья американского журналиста «Наследуют ли роботы землю?»²¹, где ставился вопрос о преодолении биологической зависимости путем замены человеческих органов на искусственные. Но тогда это уже будет не человек, а нечто страшное, перемалывающее все без разбора. (Поистине, если человек не живет по Богу или вне духовной жизни, он перестает быть человеком.)

Но вернемся к Времени. Еще недавно говорили о «тирании целого», принимая за целое состоящее из частей, что исключало возможность свободы (потому и «тирания»). Теперь говорят о «тирании момента», к которому недавно еще относились как к мигу вечности. И не есть ли это следствие все того же ущербного мышления, не преодолевшего видения по частям, даже видения одним «правым глазом», как о том пишет Павел Флоренский. Сторонники прямой перспективы признают одну единственную, «монархическую точку», местопребывание самого художника, точнее – «оптического центра его правого глаза», ибо «второй глаз, соперничая с первым, нарушает единственность, а следовательно, абсолютность точки зрения». (Кстати, правый глаз сопряжен с левым, логическим полушарием

мозга, ответственным за одномерное, линейное мышление). «Это глядение (правым глазом) не сопровождается ни воспоминаниями, ни духовными усилиями», без чего не живет человеческая душа²². Она действительно улечивается в мире «массового сознания», где каждый за себя, и все похожи друг на друга. Еще Монтень говорил: хорошие люди крестьяне и хорошие люди философы, вся беда в полуобразованных. И, наверное, «человек массы» и на образование смотрит как на средство удобства, удовлетворения своих мелких потребностей и даже боится полноты образования, противоречащего логике части, потому старается потеснить или вовсе уничтожить просвещенных, которые всегда в меньшинстве.

Итак, Время стало поглощать человека и может вывести его за пределы жизни, когда, отпав от Целого, он превращается в стихию. И получается, что человек, которому предназначена роль одухотворения сущего, сам себе не принадлежит; задумав властвовать над миром, он попал под власть стихий – стихии времени, стихии свободы – по закону высшей, онтологической Справедливости. «Человек массы» из двух предоставленных ему возможностей выбора: «быть, чтобы иметь» или «иметь, чтобы быть» (по Э. Фромму) – предпочел, не колеблясь, первое и был отвергнут Бытием за ненужность.

Уже древний комментарий к Ицзину – «Шогуа-чжуань» предупреждает: «Небо и Земля не связаны – будет Упадок». Упадок всеобщий: нравов, культуры, искусства, физического и духовного здоровья. Во всем наступает разлад, ибо, отпав от Неба, Земля теряет Основу. Поэты и философы в другой части света предупреждали о том же. «Чем больше Люцифер сосредотачивался в самом себе, тем было хуже ему и всем духам, которых он лишил радости сладостного восхождения к их первоистоку. Так свершилось то, что мы зовем отпадением ангелов. <...> Поскольку же все зло, если простительно так называть его, пошло от Люциферовой односторонности, то вполне понятно, что сотворенному им бытию недоставало лучшей его половины»²³. А Достоевский скажет словами отца Амвросия: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле, и взрастил сад свой, и взошло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе.

²⁰ Эриксон Т. Тирания момента. М., 2003.

²¹ Известия. 5.01.1995.

²² Флоренский П.А. Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. №3. Тарту, 1967.

²³ Гете И.В. Поэзия и правда. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М., 1976. С. 296–297.

Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее»²⁴.

В той же книге Эриксона «Тирания момента» говорится, что главное дело не делается, ибо все время уходит на «срочные дела». (И кому это незнакомо?) Но против суетности восставали и религии, и философская мысль: против всякой мнимости, ложной озабоченности, поглощающей человеческую жизнь, сводящей на нет человеческую личность. А именно Личность выходит на первый план, как возможность вернуть человека к самому себе, ибо, противопоставив себя миру, противопоставив субъект объекту, он стал разрушителем и своего здоровья, уподобившись объекту, для которого нет ничего святого. Отсюда и ужасы XX века, и потребность осознать их причину. Неудивительно, что Личность оказалась в центре внимания (памятуя – «Каков человек, таков и мир. Каков мир, таков и человек, один акт создает обоих» – Гегель).

Прорыв к свободе

Душа, которая поворачивается к материи, страдает и нищенствует, лишается своей силы. Но если она вернется к Разуму, она получит полностью и обретет вновь свою целостность.

Порфирий. «Начала». 37

Дойдя до предельной точки, до самого дна, движение начинает обратный путь, чтобы не стинуть в бездне. (Благо есть куда повернуть.) И сознание поворачивает от материи к духу: на горьком опыте человек убедился, что вне духа все начинает саморазрушаться. Он начинает вспоминать, что не все сводится к этой жизни, утратившей высшие ценности, что существует невидимый план Бытия («как бы двойного бытия»), не подверженный разрушительному ритму времени. Истинное Время пребывает в вечности, пусть одни называют это Великим Дао, другие Логосом, третьи – Божиим Промыслом. Суть одна, каждый из Путей ведет к спасению, если человек следует своему Пути, ему предназначено. Сказано: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»²⁵. Но в том случае «истина сделает вас свободными», если познает человек глубину Истины и тяжесть свободы. И об этом задумывался Св. Августин: «Почему же “истина

порождает ненависть” и почему для них стал врагом человек Твой, проповедующий истину? <...> Не потому ли, что истину так любят, что, любя что-то другое, люди хотят, чтобы то, что они любят, оказалось истиной? <...> За это и получают они воздаяние...»²⁶.

Веяние свободы носилось в воздухе уже в XIX веке и в России, в откровении славянофилов, прозревших сущность Целого во внутренней жизни, в индивидуальной свободе, как это прозвучало у Алексея Степановича Хомякова: «Общество, которое вне себя ищет сил для самосохранения, уже находится в состоянии болезненном. Всякая федерация заключает в себе безмолвный протест против одного общего начала.<...> Человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому»²⁷. Это и есть тот идеальный тип связи, которую христиане называют неслиянным и нераздельным единством, буддисты определяют как «одно во всем и все в одном», а Николай Бердяев называл «сингулярным сознанием», освобождающим человека от рабства (сингулярность – точка вечности)²⁸.

В то время мыслителей объединяло стремление повернуть от искусственности к естественности, от догматических схем к самой жизни, от привычных идей, не сделавших человека свободным, к естественному порыву чувства, к «подлинному существованию». Но еще до тех пор, как экзистенциалисты повлияли на настрой ума, американские трансценденталисты, повернувшись к восточной мудрости, возвещали: «Я собираюсь восславить духовные силы в их безграничной противоположности механическим силам и механической философии нашего времени» (Ральф Эмерсон). А Томас Карлейль, которого называли пророком XIX века, писал в «Сартор Резартусе»: «Материя, как бы ни была презренна, есть Дух, проявление Духа... Вещь видимая, даже вещь воображаемая <...> что она такое, как не покров, не одежда для высшего небесного, невидимого, темного в избытке света?»

Экзистенциалисты потеряли доверие ко всякому определению, прежней системе взглядов противопоставили непосредственный опыт, омертвевшей схеме – живое биение сердца. За этим стояла вера в уникальность каждой личности, способной обнаружить себя в «чистом

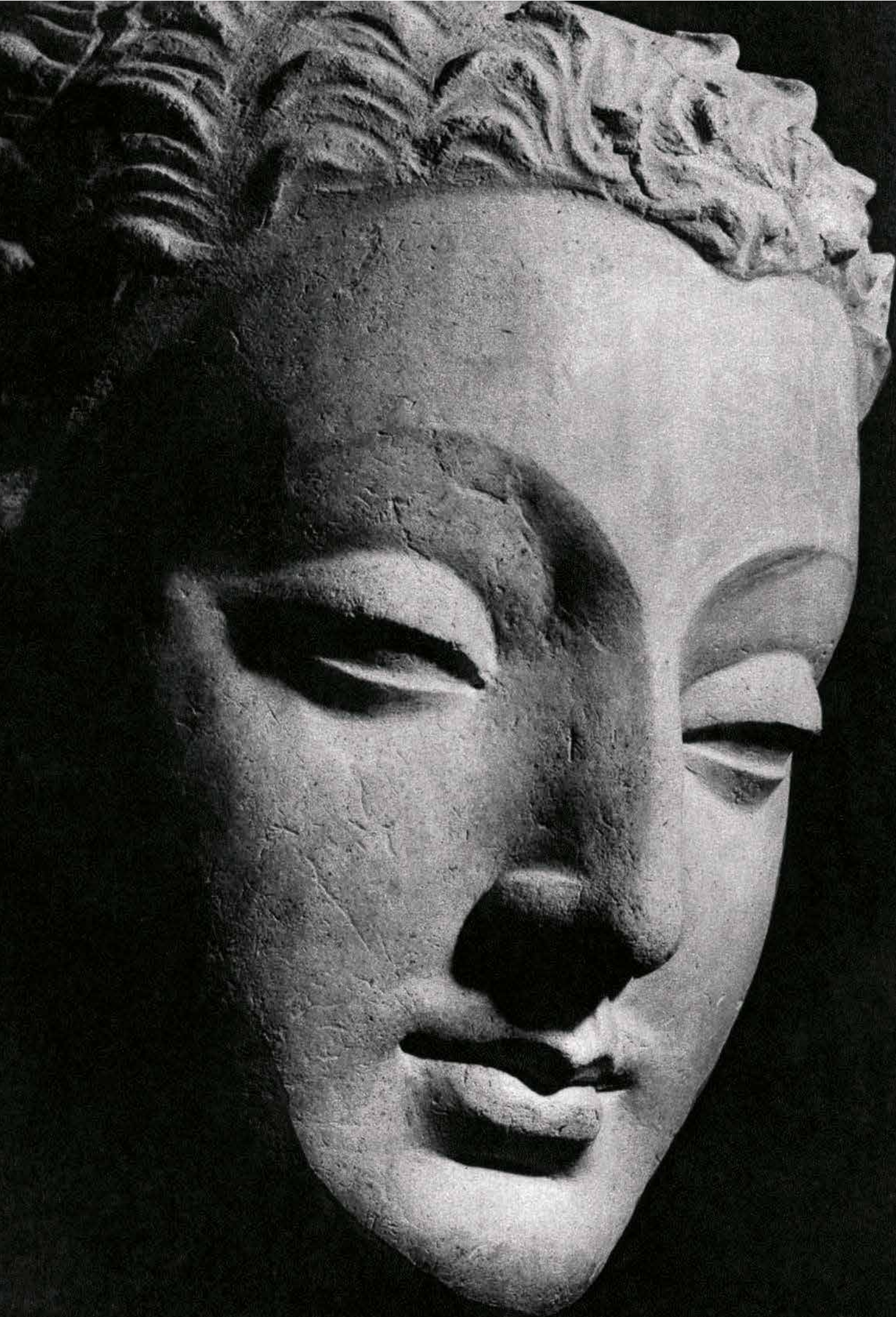
²⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собр. соч. Т. 14. С. 290.

²⁵ Ин., 8, 32.

²⁶ Бл. Августин Аврелий. Исповедь. X, 23. М., 1991. С. 259.

²⁷ Хомяков А.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 469–470.

²⁸ Остается загадкой, почему не укореняются в сознании откровения русского ума – то ли нет ощущения Основы, то ли нет осознания необходимости обратной связи?

опыте», в открытости видимому и невидимому миру, что доступно тому, кто сбросил свое рас-судочное эго. Это было началом «кризиса антропоцентризма», переходом от искаженной меры – приведшей к несвободе, к зависимости человека от самого себя, – к поиску «подлинного существования». И не могло не измениться качество субъекта, преодолевшего соблазн видеть в другом подвластное ему: достигший полноты видит полноту другого.

Не случайно сравнивают философию экзистенциализма с буддизмом. Будда призывал в последнем слове: «Будьте сами себе светильниками! На себя полагайтесь». А современный японский ученый Уэда Ёсифуми посвятил этой непростой проблеме работу «Индивидуум в философии буддизма Махаяны» (непростой потому уже, что не отвечает законам привычной для нас логики). Все школы Махаяны, напоминает автор, признают первичной Реальностью благое Тело Дхармы или Разума Будды, доступного, в конечном счете, каждому, кто не сводит мышление к логике аристотелевского типа. Центральная проблема буддийской философии – существование подлинного Я, которое реализуется в личном опыте. Но невозможно познать себя в процессе саморефлексии, ибо Я, доступное рефлексии, сконструировано умом. Буддийская же философия ставит целью «узнавание» (Макс Шелер сказал бы «вчувствование») реального субъекта, независимо от априорных представлений о мире. Подлинное Я узнается тогда, когда познающий и познаваемое нераздельны. Т.е. подлинное Я раскрывается в особом опыте неразличения субъекта и объекта, в состоянии глубинной мудрости или *праджня*²⁹. В праджне реализуется подлинное Я, что надо понимать как пробуждение не одного лишь Я, но всего в мире. Поэтому и говорят: познавая себя, познаешь все как оно Есть, в его Таковости³⁰. (Или – спасая себя, спасаешь всех.) Иначе говоря, существует только-субъект и не существует объекта. Но толь-

ко-субъект есть не-субъект, *анатман* – «не-я», *ачитта* – «не-мыслие» (и согласно философии экзистенциализма, «бытие не осознаваемо мышлением»). «Это означает не что иное, как свободу от всего субъективного, частичного: увидеть вещи, как они есть. Только-субъект или не-я – снятое эго – и есть истинное Я, которое осознает себя и одновременно весь мир»³¹. (Разве это не близко идее «соборности» в понимании ранних славянофилов?)

И крупнейший философ Японии Нисида Китаро отрицал логику Аристотеля, как несоответствующую «логике конкретного бытия», в отличие от буддийской логики Целого. Уже в своей ранней работе «О познании Добра» Нисида пишет: «Индивид есть прямое отражение абсолютной, универсальной творческой силы. В свою очередь, он сам творчески преобразуется. Творение, хотя и отличается от Творца, составляет с ним единое целое. Это основной закон Бытия».

Недаром Мартин Хайдеггер интересовался взглядами японского философа, как и буддизмом Дзэн. Но стоит говорить не о влиянии буддизма на европейских философов, а о том, что настало время целостного подхода – признания целого не как «суммы частей», а как присутствия в единичном Единого³². Изжила себя система субъектно-объектных отношений, которая сама по себе исключала возможность свободы, о чем писал Н. Бердяев. Он не был знаком, насколько мне известно, ни с японской философией, ни с буддийскими текстами, что не мешало ему высказывать те же мысли на своем языке. «Эгоцентрическая самозамкнутость <...> и есть первородный грех, мешающий реализовать полноту жизни личности». И дальше: «*Всякое знание абсолютного бытия есть акт самоотречения отпавшего индивидуального разума во имя Разума универсального, и благодать интуиции дается этим смирением... <...>* Только в приобщении к Абсолютному Разуму постигается смысл целого <...> Разум по природе своей интуитивен, а не дискурсивен»³³.

²⁹ *Праджня* – всезнание, всевидение, вселенская интуиция, потенциально присущая каждому человеку. Ее оборотная сторона – вселенское Сострадание (Каруна). Они взаимообусловлены: нет истинной мудрости без сострадания и нет истинного сострадания без мудрости. Праджня доступна металогики или многомерной логике Целого.

³⁰ *Таковость* (санск. Татхата) означает истинную Реальность вещей, пребывающих в спонтанном, не обусловленном причиной возникновении.

³¹ Ueda Yosifumi. The Status of the Individual in Mahayana Buddhist Philosophy // The Japanese Mind. Honolulu, 1981. P. 169–170.

³² Как это понимал Вильгельм фон Гумбольдт: «Именно там, где достигается вершина и глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка (Ver standes gebrauch), наиболее легко отделимого от каждого своеобразия, и наступает процесс внутреннего восприятия и творчества». См: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 319–320.

³³ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 120–121. И там же он говорит: «...Все стало ограниченным и относительным, третье стало исключаться, ничто уже не может быть разом А и не-А, бытие стало бессмысленно логичным». (С. 130). И вряд ли Бердяев подозревал, что теми же словами изъяснялся Будда со своими учениками.

А.Д. Леонов. Конфуций. 2006

Недаром Бердяеву были близки немецкие мистики: «У Беме поразительно мистическое сближение неба и земли, Бога и человека, Христа и Адама. “Бог должен стать человеком, человек – Богом, небо должно стать единым с землей, земля должна стать небом”»³⁴. Русский философ, персоналист, представления не имел о словах дзэнского мастера Японии XVII века Такуан Сохо: «Истинное Я существовало еще до того, как отделились Небо и Земля, и до того, как родились отец и мать. И это Я существует во мне, и во всех птицах и зверях, в траве и деревьях, во всем. Это и называется природой Будды... Человек, который увидел свое Я, заглянул в собственную природу и стал Буддой»³⁵.

Другое дело – Герман Гессе: он странствовал по Востоку и в мыслях: «Возвратиться к вселенной, отказаться от мучительной обособленнос-

ти; стать Богом – это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную... Этим путем шел Будда, им шел каждый великий человек»³⁶.

Поистине, «Все Пути ведут к Одному» – как сказано в Ицзине (Книге Перемен). А согласно Конфуцию, «все близки по природе, далеки по воспитанию». Попробуем понять, что стоит за этими словами.

Человек у Конфуция

Итак, «все близки по природе, далеки по воспитанию (по обычаям)», – говорит Конфуций в «Беседах и суждениях»³⁷. Как это соотнобразится с учением Конфуция о двух противоположных типах людей, на которых он не случайно заострил внимание? Это *цзюньцзы* – обычно переводится, как «благородный», точнее, человек истинный, каким он должен быть по небесному велению. И *сяожэнь*, буквально человек «мелкий», недостойный – недочеловек. «Цзюньцзы думает о справедливости, сяожэнь о выгоде»³⁸. «Цзюньцзы не объединяется в группы, но един со всеми. Сяожэнь объединяется в группы, но не един со всеми»³⁹. «Цзюньцзы ищет причину случившегося в себе. Сяожэнь – в других»⁴⁰.

Мелкий человек, объединяясь с себе подобными, заводит интриги; ради власти готов на все. Потому Конфуций и говорит: «Цзюньцзы легко служить, но трудно угождать. Тех, кто пытается угождать ему, нарушая Путь, он отвергает. Людей ценит за их способности. Сяожэнь наоборот: ему трудно служить, но легко угождать. Если угождаешь, нарушая Путь, он доволен. На службу подбирает таких, которые готовы на все»⁴¹. «Истинный человек не может быть орудием (средством)»⁴².

Низкий человек аморален, как и «человек массы» в «Восстании масс» Ортеги-и-Гассета: «Человек массы просто обходится без морали, ибо всякая мораль в основе своей – чувство подчиненности чему-то, сознание служения и долга». Когда мелкий человек, вопреки своей природе, рвется наверх, к власти, то нарушаются все связи, рушится мировой порядок. Как сказано в Учении о Середине: «Цзюньцзы устремлен к Основе.

³⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 302.

³⁵ Soho Takuan. The Unferred Mind. Tokyo–N.Y., 1987. P. 80.

³⁶ Гессе Г. Избранное. М., 1997. С. 258.

³⁷ Луньюй. Цитируется по: Соч. китайской классики. Т. 1–2. Токио, 1965. 17, 2.

³⁸ Там же. 4, 16.

³⁹ Там же. 12, 14.

⁴⁰ Там же. 15, 20.

⁴¹ Там же. 13, 25.

⁴² Там же. 2, 12.

Утвердившись в Основе, следует Пути»⁴³. Истинный человек – Сердце Вселенной, пульсирует в ее ритме, сообщаясь со всеми вещами, не навязывая ничего от себя, ведет сущее к Благу. Потому Конфуций и предупреждает: «Не отступайте от Пути даже под угрозой смерти. Не ходите туда, где смута. Не живите там, где беспорядок. Если Поднебесная следует Пути, будьте на виду, если не следует, отойдите. Если следуют Пути, стыдно быть бедным и не в чести. Если не следуют, стыдно быть богатым и в чести»⁴⁴.

Мелкий человек опасен тем, что сколько бы ни стремился вверх, идет вниз и тянет других в низшие сферы. «Цзюньцзы идет вверх, сяожэнь идет вниз»⁴⁵. Обреченный идти вниз, увлекая за собой других, затягивает их в воронку. Исходящая от него отрицательная энергия нейтрализует положительные человеческие качества, способность мыслить и чувствовать, сочувствовать другому. Вслед за исчезновением духовной, нравственной основы неизбежно и психофизическое разрушение человека. Потому мелкого человека отвергает Небо, а «не зная воли Неба, невозможно быть истинным человеком»⁴⁶.

Тот, кто следует Пути, проявляет свою изначальную природу, предустановленную Небом. Изначальной природе присущи «пять Постоянств» (*учан*): Человечность – *Жэнь*, чувство Долга – Справедливости – *И*, Учтивости – *Ли*, Мудрости – *Чжи*, Искренности – *Синь*. От них зависит правильное взаимодействие пяти типов энергии (*усин*): дерево, огонь, земля, металл, вода. Если человек следует «постоянствам», то мир пребывает в гармонии. Если же нарушается моральный закон Пути, то все приходит в Упадок. Однако никому не заказан Путь к Справедливости, возможность преодолеть свою вторичную, эгоистическую природу.

Когда один из ближайших учеников спросил Конфуция о *Жэнь* – Человечности, мудрец ответил: «Преодолеть себя, вернуться к *Ли* (Учтивости) и значит Человечность. Когда однажды, победив себя, вернутся к *Ли*, Поднебесная обретет Человечность. Но Человечность достигается лишь собственными усилиями, не с помощью других»⁴⁷. И это созвучно призыву Будды: «Будьте сами себе светильниками!», и христианскому завету: «Не сотвори себе кумира».

Сам иероглиф «*Жэнь*» состоит из двух элементов: «человек» и «два». Т.е. человек призван соединять «два» в «одно», гармонизировать мир, если он преодолет корысть и гордыню, станет всечеловеком, теургом. Когда у Конфуция спросили: можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом, он ответил: это слово – Взаимность (*Шу*). Не делай другому того, чего не желаешь себе»⁴⁸. Тогда и станешь Трехединным с Небом и Землей, сможешь осуществить

А.Д. Леонов. Лаоцзы. 2006

⁴³ Чжун-юн. 1, 2.

⁴⁴ Луньюй. 8, 13. Не удивительно, что А.С. Хомяков ставил Конфуция «выше всех философов в целом свете». Надо быть истинным христианином, чтобы признать истинность и другого.

⁴⁵ Там же. 14, 23.

⁴⁶ Там же. 20, 3.

⁴⁷ Там же. 12, 1.

⁴⁸ Там же. 15, 23.

свое призвание. На это дикий, необразованный человек неспособен. Потому большое значение придавал Конфуций приобщению к знанию древних, к традиционному ритуалу, занятиям музыкой и поэзией: вне культурного поля все обречено на гибель. Идти вверх, к высшему, духовному знанию, можно лишь избегая односторонности, следуя Срединным Путем. И об этом сказано в Луньюй: «Когда инстинкты побеждают культуру (*вэнь*), получается дикарь. Когда культура побеждает инстинкты, получается книжник. У истинного человека – то и другое уравновешено»⁴⁹.

Потому и пестовали древние духовную культуру, зная, что только «дух животворит», что нарушение Пути ведет к погибели и человека, и всего живого. Об этом верно и просто написал знаток Китая Алан Уотс в своей последней книге «Дао: Путь Воды». «С точки зрения китайской философии, будь-то даосизм или конфуцианство, – если вы не доверяете Природе и другим людям, значит, вы не доверяете себе. Если же вы не доверяете себе, значит, вы просто выпадаете из всей природной системы. Вы и Природа – один и тот же процесс. Это и есть Путь-Дао»⁵⁰.

Не оттого ли не пропадает интерес к китайской древности и к старшему современнику Конфуция – Лаоцзы? Сколько уж переводов вышло его знаменитого «Даодэцзин» – «Книги о Дао и Дэ»! Великое Дао повсюду. «С любовью воспитываемые все существа, оно не считает себя их господином... Все сущее возвращается к нему, но оно не властвует над ним. Его можно назвать Великим, потому что оно не считает себя таковым»⁵¹. Вот что такое Дао. А Дэ – его конкретное выражение в человеческом воплощении, то, что даровано человеку, и то, что он должен осуществить за свою недолгую жизнь. Но если сможет осуществить предназначенное, то его жизнь уже не будет недолгой, ибо Великое Дэ и есть Великое Дао, которому нет конца.

«Возвращение к велению Неба назову Постоянством. Знание Постоянства назову Просветленностью. Не знающий Постоянства своим не-

ведением творит злое (в японском комментарии сказано: «не знающий Постоянства, или не пробужденный, своими слепыми действиями ведет народ к гибели). Имеющий Постоянство – терпим (милосерден, ибо преодолел привязанность к себе). Терпимый – справедлив. Справедливый становится *ваном* (*правителем*). Ван становится Небом. Небо становится Дао. А если есть Дао, есть и долговечность. Всю жизнь не будешь знать беды»⁵².

Вот что думают мудрецы о духовном здоровье человека. Духовная энергия (*шэнь ци*) первична, изначальна, воплощается в человеке, который призван распространять ее на все сущее. Облагораживая других, облагораживаешь себя. Но если отклоняется человек от Пути, силы покидают его. «Одно Инь, одно Ян и есть Путь, – сказано в комментарии к Ицзин «Сицычжуань», – Следуя ему, идут к Добру (*Шань*, всеобщее Добро). Осуществляя, проявляя изначальную природу»⁵³

Если же нарушается закон Равновесия (*Хэ*), скажем, слишком много в человеке иньской (холодной) энергии, – двойное инь; или слишком много янской (горячей) энергии, – двойное ян, то начинается аритмия, разбалансированность всех органов, не только в человеке, в социуме, но и в мире. В первом случае избыток инь-воды вызывает наводнения. Во втором случае избыток ян-огня порождает пожары и засуху. И все это на совести человека, нарушившего законы Природы, данные ему во Благо.

Фактически и традиционные искусства, и традиционная китайская медицина придерживаются принципа Невторжения, Ненасилия, выправления нарушенного энергетического баланса, пульсации энергии, – природы Целого. Причина заболевания – в бездуховной жизни. Отсюда интерес к искусству врачевания, согласному с законами Пути или Природы. Когда же инь-ян достигают полноты, то человек становится Трединым, Дао-человеком, Богочеловеком, которому все доступно. Нашедший себя, духовный человек не подвержен никаким недугам.

⁴⁹ Луньюй, 6, 16. И это созвучно тому, что писал о культуре Евгений Трубецкой: «Опасность для России и для всего мира – тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы освящен культурой. Дикие орды, терзавшие Древнюю Русь, – печенеги, половцы и татары – не думали о “культуре”, а потому руководствовались не принципами, а инстинктами». См.: Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. С. 35. (Курсив мой. – Т.Г.)

⁵⁰ Watts A. W. Tao: The Watercours Way. N.Y., 1975. P. 32.

⁵¹ Даодэцзин, 34.

⁵² Японцы комментируют: «если справедлив и бескорыстен, то получаешь дар (*дэ*) вана; получая дар вана, становишься беспредельным, как Небо; достигая единства с Недеянием Дао, становишься вечным, бессмертным» («Даодэцзин». 16). Цит. по: Соч. китайской классики. Т. 6. Токио, 1966. С. 92–93.

⁵³ «Ицзин» и древний комментарий к нему цит. по: Соч. китайской классики. Т. 1.

